

К.филол.н. Кривенко Г.А., магистрант Католина А.А.

Инновационный Евразийский университет, Казахстан

Жанровая репрезентация как способ проявления авторского я

Проблема человека на сегодняшний день, несомненно, актуальна, ибо для того, чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю – говорящей и мыслящей личности. В связи с этим языковые явления изучаются в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью, поскольку каждый познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем.

Современная лингвистика базируется на принципе антропоцентризма, который представляет языковую систему в максимальной приближенности к человеку, о чем свидетельствуют работы казахстанских и российских ученых: З.К. Ахметжановой, А.Р. Бейсембаева, Н.И. Гайнуллиной, Л.К. Жаналиной, С.Е. Исабекова, А.Е. Карлинского, З.К. Сабитовой, Э.Д. Сулейменовой, Б.Х. Хасанова, К.Ш. Хусаина, Н.Ж. Шаймерденовой, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Р.А. Будагова, Г.А. Золотовой, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, М.М. Копыленко, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Е.В. Падучевой, О.Г. Почепцова, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова и других.

Особенность авторской репрезентации является предметом как литературоведческих [А.М. Левидов, Н.К. Бонецкая, Н.В. Драгомирецкая, И.П. Карпов и др.], так и лингвистических исследований [Л.Г. Кайда, Л.А. Жаворонская, О.Е. Вихрян, Ю.В. Красиков, Э.В. Чепкина и др.]. При этом с позиций литературоведения необходимостью различение автора и реальной личности писателя, лингвистический же аспект основывается на представлении о некоей абстрактной личности, которая представлена текстом и находит отражение в языке художественного произведения.

В центре языковой картины стоит человек с его мыслями, чувствами, качествами характера, действиями и поступками. И все эти признаки человека писатель переносит на окружающую действительность. Принципиальная «персоналистичность» мира художника: самостоятельность персонажного «голоса» и независимость «правды героя» по отношению к «правде автора» – позволяют рассматривать индивидуальные картины мира персонажей, представленные в текстах писателя, как вполне самостоятельные. Язык писателя является ценным источником для выявления и описания языковых маркеров текстового эгоцентризма.

Автор является носителем когниции, основателем художественной деятельности, в результате которой он конструирует текст таким образом, что происходит объективация его субъектного мира. Текст – воплощение авторской действительности, объект субъектов его чувственной / интеллектуальной, бессознательной / подсознательной / сверхсознательной, волевой / интуитивной деятельности.

Чтобы увидеть, как в литературном произведении воплощается восприятие и оценка мира художником, происходит его репрезентация, нужно обратить внимание на жанровое своеобразие текста. Способом авторской репрезентации является не только слово, текстовая тематическая группа слов в совокупности их значений, но и способ их подачи, облечение в жанровую составляющую. Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин отмечают, что «концепт художественного текста формируется на синтагматической основе, имеет внутритекстовую синтагматическую природу» [1, с. 58], то есть анализ текста с позиций его жанрового своеобразия позволяет воссоздавать концептуальное пространство художественного текста.

Виктор Пелевин – популярный современный писатель, относящийся к числу немногих представителей литературного «мэйнстрима», которые сумели покорить и интеллектуального, и массового читателя. При этом вполне очевидно, что творчество Виктора Пелевина представляет собой целостный феномен, представляющий собой внутреннее единство. Все его творчество

(эссе, рассказы, повести, романы) многими нитями связано друг с другом, отражая и дополняя друг друга. По справедливому утверждению А.А. Гениса, константой его художественного мира является «обживание стыков между реальностями», вследствие чего критик называет Пелевина «бытописателем пограничной зоны», «певцом виртуальной реальности»: «Пелевин поэт, философ и бытописатель пограничной зоны. Он обжигает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты: одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух. Писатель, живущий на сломе эпох, он населяет свои рассказы героями, обитающими сразу в двух мирах» [2, с. 231]. Можно с полной уверенностью утверждать, что пересечение границ между мирами является смысло- и сюжетопорождающей константой практически всех произведений этого писателя. Однако, на наш взгляд, следует обратить внимание и на другое структурообразующее и смыслопорождающее начало, придающее целостность художественной системе Пелевина, – это (анти)утопичность, рассматриваемую как метажанровая (то есть наджанровая, сверхжанровая) константа его прозы. В данном контексте его творчество органично вписывается в жанрово-стилевые искания современной российской литературы. Литературоведы постоянно отмечают бурное развитие антиутопии на рубеже XX-XXI веков, пытаются объяснить причины этого явления, делают попытки сконструировать типологию современной антиутопии, описать её жанровые разновидности [Б.А.Ланин, Н.В. Ковтун, С.В. Бесчетникова, А.Н. Воробьёва, И. Лукашёнок, М.А. Камратова и др.].

С. Чупринин отмечает, что в современной литературе жанр антиутопии – «привычное место встречи писателей, идущих и от реалистической традиции, и от постмодерна, и от сатирической журналистики, и из толщи национал-патриотической словесности, и из толщи самого что ни на есть масскульта» [3]. По нашему мнению, анализ функционирования (анти)утопической метажанровой особенности в произведениях Виктора Пелевина дает возможность не только представить художественный мир писателя целостной

художественной системой, демонстрирующей специфику авторского мировидения, но и выявить определенные тенденции в развитии современной антиутопии.

Антиутопизм – это своеобразная черта «рубежного» сознания, особенность художественного мышления конца XX века. Обратим внимание на один из известных романов писателя ««Generation „П“». Многие критики утверждают, что роман «Поколение „П“» достаточно разнопланен в своем жанровом проявлении: он включает в себя анекдоты, городской фольклор, американский масскульт, а язык романа состоит из бандитской фени, молодёжного сленга, терминологического волапюка, рекламы и PR.

Нужно обратить внимание и на то, что роман является синтезом современной сатиры, буддизма и египтологии. *«Перевернув наугад несколько страниц, Татарский опять наткнулся на слово «мухомор» «Стр. 145. Три халдейские загадки (Три загадки Иштар). Предание о трех халдейских загадках гласило, что мужем богини мог стать любой житель Вавилона. Для этого он должен был выпить особый напиток и взойти на ее зиккурат»* [4]. После довольно пространного знакомства с содержимым папки «Тихамат» Татарский попадает к однокласснику Гирееву, где *«...сушеные мухоморы немного напоминали по вкусу картофельные хлопья, только были вкуснее»*. После мухоморов у героя происходит дисфункция речи, что вызывает у Татарского определенный ход мыслей о том, что *«абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетеля событий»* [4].

В немаловажном эпизоде вызова духа Че Гевары показывается зависимость человека от телевизора и превращение его в «виртуальный субъект». Происходит включение виртуальной реальности в реальность обыденную через изображения бредового состояния главного героя после употребления наркотического средства.

Примечательно, как пародийно-наставительно сформулировано послание Че Гевары: *«Соратники! Этот темный век уже наступил. И связано это прежде всего с той ролью, которую в жизни человека стали играть так*

называемые визуально-психические генераторы, или объекты второго рода» [4].

Таким образом, еще одной особенностью жанрового своеобразия романа В. Пелевина «Generation "П"» представляется не только пародия, но и самопародия, являющиеся способ абстрагирования от многозначительности. *«Как только вечность исчезла, Татарский оказался в настоящем. Выяснилось, что он совершенно ничего не знает про мир, который успел возникнуть вокруг за несколько последних лет»* [4]. Ирония в данном контексте является прекрасным способом показать или высказать что-то определенно серьезное, Пелевин дает проповедь идеи, откровенно издеваясь над ней. *«Скорей всего, причина была в том, что идеологи СССР считали, что истина бывает только одна. Поэтому у поколения «П» на самом деле не было никакого выбора, и дети советских семидесятых выбирали «Пепси» точно так же, как их родители выбирали Брежнева»* [4].

Композиция романа соответствует его жанровой многоплановости. Все линии развития сюжета, жанровые пласти соединяются в финале, где читателю предлагается подробное толкование образов-символов, постоянно попадавшихся ему в тексте всего романа. Данные образы-символы представлены на поверхности черной базальтовой плиты, находящейся в Золотой комнате Иштар, представляющей картину мира определенной схемой.

Пространство романа в соответствие с жанровой многоплановостью также не едино, как и все произведения Пелевина: это своеобразная гиперссылка на три различных источника: события из жизни Вавилена в реальности, самоучитель по Public Relations и маркетингу – многочисленные рекламные объявления, и мистические вставки, представляющие то наркотические видения, то древнеегипетские мифы. *«Он покачнулся, почувствовав, как земля под ним плавно закружилась. На ногах он удержался только потому, что ось вращения земли проходила точно сквозь его макушку. «Нет, – подумал он, – столверчение здесь ни при чем. Столтворение – это стол и творение. Творение столпа, причем не строительство, а именно*

творение» [4]. Причем нахождение в состоянии наркотического воздействия плавно сдвигает временные слои и позволяет сводить в одной точке, казалось бы, абсолютно разные жанры.

Таким образом, жанровая многоплановость синтезирует художественный, философский пласты с ярко выраженным социологизмом. По выражению многих критиков, книги Пелевина – настоящая энциклопедия интеллектуальной и духовной жизни России конца XX – начала XXI века. «Считывание» авторской позиции требует от читателя определенных интеллекта и эрудиции. Именно своеобразие жанровой составляющей позволяет грамотному читателю активно использовать все интертекстуальные отсылки в его книгах. Это мифы и архетипы, религиозные традиции и философские системы, всевозможные мистические практики и магические техники.

Именно благодаря жанровому своеобразию «Generation "П"», В. Пелевину представляется возможным репрезентировать свои идеи, начиная с выражения главного пафоса – отрицания идеологии потребления, представления судьбы поколения «невостребованного эпохой». Роман В. Пелевина, несомненно, можно отнести к русскому постмодернизму, поскольку он обладает такими яркими чертами, как жанровая многоплановость в одном романе, неоднозначность толкования содержания, интертекстуальность, представленная в том числе обилием цитат других авторов и нарочитая абсурдность изображаемой действительности. Все это позволяет наиболее ярко выразить авторское видение мира.

Литература:

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; практикум. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
2. Генис А.А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда, 1997. – № 12. – С. 230-233.

3. Чупринин С. Нулевые: годы компромисса / С. Чупринин // Знамя, 2009. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2009/2/nulevye-gody-kompromissa.html>
4. Пелевин В. Generetion «П». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookzip.ru/2901-generation-p.html>